

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора исторических наук, доцента, заведующего кафедрой истории России Воронежского государственного университета Селезнёва Юрия Васильевича о диссертации Смирнова Алексея Викторовича «Образы ордынского владычества в истории российского общественного сознания XVIII – начала XXI в.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история в диссертационный совет 24.2.320.01 на базе Кубанского государственного университета

Период ордынского владычества над русскими землями представляет собой значительный этап в развитии российской государственности. В течение 250-ти лет (с 1223 г. до 1480 г. – 257 лет) населению русских княжеств необходимо было взаимодействовать с верховными властями, суверенитет которых определялся военным поражением и завоеванием. Несомненно, в общественном сознании русских людей сложился образ данного владычества. И он не может оставаться неизменным – каждое новое поколение предлагает свое восприятие образов прошлого.

Осмысление этапов и форм ордынского владычества в российском историческом сознании является актуальной исследовательской проблемой.

Таким образом, предложенная Алексеем Викторовичем Смирновым тема «Образы ордынского владычества в истории российского общественного сознания XVIII – начала XXI в.», составившая научную проблему диссертации, представляет собой **актуальный исследовательский вопрос**.

Целью работы обозначено: охарактеризовать образы ордынского владычества, существовавшие в общественной мысли и идеологии России XVIII–XXI вв., и охарактеризовать этапы их эволюции в интеллектуальной истории России.

Достижению указанной цели подчинены задачи исследования: 1) определить образы ордынского владычества, которые используются в системообразующих дискурсивных полях отечественного общественного сознания XVIII – начала XXI в.; 2) раскрыть эволюцию образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в.; 3) выявить характерные черты образов ордынского владычества в общественном сознании России XVIII – начала XX в.; 4) осмыслить образы ордынского владычества, сложившиеся в общественном сознании СССР и русской эмиграции 1920–1980-х гг.; 5) определить изменения образов ордынского владычества в профессиональном и массовом сознании России в условиях серьезных общественно-политических и социокультурных изменений после 1991 г.; 6) установить особенности сочетания образов ордынского владычества, сложившихся в различных дискурсивных полях общественного сознания XVIII – начала XXI в., их взаимодействие и взаимовлияние, механизмы формирования.

Автор представляет обобщение результатов исследования данных вопросов в историографии. Обзор исследовательской литературы демонстрирует широкое знание исследований по теме феномена общественного сознания и его конкретного компонента – «исторической памяти». Основой исследования стали теоретические разработки отечественных и зарубежных исследователей.

Анализ поставленных в исследовании вопросов автор сопровождает примерами, а выводы подтверждает источниковым материалом. Основой исследования являются источники различных типов и видов (к примеру, письменные и визуальные источники), отличающихся разнородной степенью

точности, полноты и достоверности, что позволяет достичь поставленной в исследовании цели.

Методологический инструментарий исследования опирается на грамотно и профессионально используемый междисциплинарный синтез, что обеспечивает возможность проследить появление, способы концептуализации, функционирование и эволюцию образов ордынского владычества в российском общественном сознании.

В рамках предложенных итогов и выводов исследования стоит принять положение диссертанта о том, что образы ордынского владычества рождаются и функционируют в различных сферах общественного сознания, а принадлежность образа к тому или иному дискурсивному полю определяется по доминирующему компоненту в его структуре (доминанты же рождаются в точках пересечения дискурсивных полей).

Не вызывает сомнений заключение автора о том, что общественное сознание – это объемный многомерный пространственно-временной континуум, и системная динамическая модель истории образов ордынского владычества может быть построена только с опорой на представления о том, что подсистемами в континууме являются дискурсивные потоки разной направленности и интенсивности, а общественные функции образов становятся заметнее в точках пересечения дискурсивных полей разной специализации и направленности.

Наблюдения автора о том, что российское общественное сознание XVIII – начала XX в. довольно долго воспринимало влияние Орды как внешнее, чужеродное для русской истории, а со второй половины XIX в. ордынское владычество начинает связываться с национально-освободительной борьбой русского народа и противостоянием леса и степи представляют собой осно-

вополагающие принципы выявления особенностей восприятия Орды в исследуемое время.

Рассмотрение истории образов ордынского владычества в дискурсивном поле отечественного сознания в советское время (1920–1980-е гг.) усложняется разрывом общественного сознания на эмигрантское и оставшееся внутри страны: образы ордынского владычества в этих частях развиваются параллельно. Тем не менее, с 1970-х гг. наблюдается их сближение на основе интереса к идеям евразийцев. Внутри государственного дискурса история Орды и русско-ордынских отношений функционирует в системе материалистических представлений. Данные выводы автора также вполне закономерно выводятся из имеющихся в распоряжении исследователей источников.

Заключение автора о том, что с 1991 г. образы ордынского владычества превращаются в инструмент для утверждения национальной идентичности отдельных регионов России, а на федеральном уровне в русско-ордынских отношениях ищут основание для новых геополитических идей и положения России в современном мире как наследницы евразийских тенденций Золотой Орды и империи Чингисхана, требует более внимательного и взвешенного анализа: особенность современного дискурсивного поля требует выявления источниковых оснований неформального порядка. Тем не менее, сам итог научного анализа не вызывает сомнений.

Вполне доказанным можно считать положение об эволюции образов ордынского владычества и выделения трех периодов развития представлений об Орде: XVIII – начало XX в. – имперский период формирования и взаимодействия образов ордынского владычества; 1920–1980-е гг. – господство в политическом дискурсе материалистических представлений об образах ордынского владычества; 1990-е – первая половина 2020-х гг. – трактовка обра-

зов ордынского владычества в сложных поисках новых форм российской идентичности. Впрочем, сама периодизация вполне закономерно определяется развитием российской государственности и изменениями в общественно-политическом устройстве России в XX столетии.

Указанное заключение в этой связи может показаться весьма шаблонным. Однако без доказательства, что образы ордынского владычества эволюционировали в соответствии с изменением общественно-политического сознания социума невозможно дальнейшее научное осмысление поставленной проблемы.

Таким образом, выводы исследования, предложенные в качестве положений, выносимых на защиту, представляются, в целом, вполне обоснованными и убедительными.

В центре внимания исследователя находится историческая динамика и характеристика образов ордынского владычества, отразившихся в общественном сознании России на его профессиональном и массовом уровнях в течение XVIII – начала XXI в.

В конечном итоге в исследовании впервые предложена системная динамическая модель эволюции образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в., что обеспечивает **научную новизну** как самого исследования, так и **выводов и результатов, полученных в итоге написания диссертации.**

В рамках проведённого исследования благодаря проблемно-хронологическому анализу эволюции образа владычества Орды над русскими княжествами уточнена хронология изменений представлений об Орде в общественном сознании России XVIII – начала XXI в. Выявлено, что к 1910-м гг. в общественном сознании российского социума расходятся религиозное

и светское понимание истории, что свидетельствует об усложнении понимания политической концептуализации истории: рядом с понятием «государство», в полном соответствии с идеями просветительской философии, появляется понятие «народ». Установлено, что к 1980-м гг. сложившиеся образы ордынского владычества вступают в противоречие с идеями превращения советского народа в новую общность, в которой все народы представлены в равной мере. Ярким подтверждением данного вывода являются широкие дискуссии, посвященные юбилею Куликовской битвы, сравнительному анализу Повестей Куликовского цикла и «Слова о полку Игореве». Данные дискурсивные поля актуализируют различные образы ордынского владычества. При этом, рядом с их негативными характеристиками появляются положительные образы «Великой Степи» и Джучиева Улуса.

Данные выводы подтверждают утверждение автора (с. 3) о том, что «ордынское владычество для отечественного общественного сознания является одной из базовых категорий ее исторической памяти. Данный период вызывал и до сих пор вызывает широкий интерес как в профессиональном историческом, так и в массовом обыденном сознании и используется для построения различных общественно-политических и социокультурных конструктов, выбора векторов дальнейшего развития истории».

Таким образом, результаты работы представляют собой **важный эмпирический и теоретический материал, который необходимо использовать при разработке различных вопросов истории российского общественного сознания XVIII- начала XXI столетий**. Несомненно, что выводы и результаты исследования могут найти практическое применение **при разработке общих и специальных учебных курсов** при освещении истории отечественной общественной мысли XVIII – начала XXI в.

Представленная А.В. Смирновым к защите диссертация «Образы ордынского владычества в истории российского общественного сознания XVIII – начала XXI в.» является целостным законченным исследованием, структура которого обоснована и соответствует целям и задачам, поставленным во вводной части диссертации.

Таким образом, исследование А. В. Смирнова представляет собой детальное раскрытие поставленной проблемы. Однако предложенная рукопись не лишена недочетов и положений полемического характера.

Методологически не вполне понятен принцип отбора источников информации. Так, на с. 14 отмечено, что «в рамках профессионального дискурса для анализа были выбраны наиболее известные и популярные исторические работы, а также те, в которых тема ордынского владычества является основной». Однако критерии «известности» и «популярности» оказались не раскрыты. В связи с чем не вполне понятно, насколько научные работы, привлеченные к анализу, влияли на общественное сознание в тот или иной рассматриваемый период. Это тем более необходимо, что «показатели» известности на протяжении XVIII – начала XXI веков менялись: в современном дискурсе есть наукометрические показатели, которые могут отражать степень востребованности того или иного исследования. Для более раннего времени требуется формулирование иных признаков распространённости научных идей.

На с. 15, определяя концептуальные работы по русско-ордынским отношениям и истории Золотой Орды в советской историографии, автор упускает из вида деятельность И.Н. Борозина, сформулировавшего на 1-ом Тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. основные направления ордыноведческих исследований для науки в СССР (подробнее см.: Селезнев Ю.В. Археологиче-

ские изыскания Ильи Николаевича Бороздина в Крыму и становление советского ордыноведения // Археология Евразийских степей. 2025. № 6. С. 322–328). При этом на работы И.Н. Бороздина ссылались не только советские исследователи, но и представители евразийской школы (в частности, Г.В. Вернадский). На с. 32 А.В. Смирнов справедливо отмечает, что авторы конца XVII – первой половины XVIII в. описывали отношения кочевников с русскими княжествами как противостояние «диких, кровожадных варваров» и «благородных русских». Такие установки сохранялись вплоть до начала XX столетия и были подвержены сомнению и переосмыслению именно после концептуальных формулировок И.Н. Бороздина. Впрочем, судьба исследований И.Н. Бороздина была связана с его арестом и арестом его учеников, и его концептуальные изыскания нашли закономерно ограниченное воплощение в общественном сознании Советской России.

Наблюдая за развитием восприятия ордынского владычества во второй половине XVIII столетия, исследователь отмечает, что именно в «данное время за системой ордынского владычества закрепляется понятие «иго», которое на долгое время стало господствующим в поле профессиональной исторической науки и учебной литературы» (С. 32). Однако автор не указал на публицистику А.Н. Радищева, в которой для второй половины XVIII в. термин «иго» применительно к русско-ордынским отношениям применен впервые. Вполне вероятно, что влияние на общественное сознание России трудов А.Н. Радищева способствовало закреплению в нем и терминологии, применяемой философом.

Показательно, что из поля внимания А.В. Смирнова выпала и позиция императрицы Екатерины II, которая рассматривается как противник либеральной позиции А.Н. Радищева. Между тем верховная правительница Рос-

сии создала учебную книгу «Записки, касательно российской истории», которые, по словам автора, «сочинены для юношества» в противовес чужеземных произведений, «кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными». Таким образом, Екатерина II выстраивала свою картину истории России. А представления верховного правителя формировали общественное сознание на многих уровнях социума. Поэтому стоит внимательно рассмотреть восприятие ордынского владычества в официальном государственном дискурсе императорской власти второй половины XVIII столетия.

На с. 88 А.В. Смирнов рассматривает постановление бюро обкома ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (август 1944 г.), в котором критиковалось слишком большое внимание и лояльное отношение к Золотой Орде и её истории. По мнению автора «данный документ, определил дальнейшую работу над образами Золотой Орды в официальной советской исторической науке на несколько десятилетий вперед».

Однако современные исследования отмечают, что последствия постановления несколько преувеличены. Это обуславливается тем фактом, что большинство учёных того времени не всегда имели отношение «к татарской партийной организации», а постановление напрямую затрагивало именно эту категорию граждан СССР. Наиболее обстоятельно положение дел после принятия постановления рассмотрела в своём исследовании Альфия Габдульнуровна Галлямова (Галлямова А.Г. «“Расправа” над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797). Исследовательница предлагает связывать эффективность влияния августовского (1944 г.) постановления «не столько с процессом раз-

вития гуманитарных наук, сколько с формированием стереотипов в общественном сознании, в котором оценка Золотой Орды носила негативный характер». Данный вывод, впрочем, вполне согласуется с наблюдениями А.В. Смирнова.

На с. 87–88 автор определяет круг политико-идеологических установок, служивших основой построения образов ордынского владычества в советское время. К ним он справедливо относит отдельные высказывания классиков марксизма (К. Маркса и И.В. Сталина), а также директивные документы партии и правительства. Однако вне поля зрения А.В. Смирнова оказалось высказывание Фридриха Энгельса, который отмечал: «В те времена, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству» (Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1962. Т. 22. С. 19).

При анализе построений школы евразийства (на с. 85–87), оценивая вклад научного направления, автор не называет труд Н.А. Клепинина «Святой и благоверный великий князь Александр Невский».

Отмечая на с. 163 на появление на рубеже XX–XXI вв. ниши справочной литературы как свидетельства востребованности профессиональным сознанием четкого, «табличного» изложения данных для упрощения дальнейших исследований в данной области, автор не анализирует труд А.А. Астайкина, который, наряду с работой В.В. Похлёбкина, необходимо отнести к одной из первых в данном жанре (Астайкин А. А. Летописи о монгольских вторжениях на Русь: 1237–1480 // Арабески истории. Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 1. М., 1996).

Непростой остается задача выявления функционирования и взаимодействия различных дискурсивных полей на примере учебной литературы на современном этапе эволюции образов ордынского владычества. Так, остаётся открытым вопрос механизмов появления в учебниках новых научных открытий. Анализ преемственности учебников МГУ (см. Рыбаков Б.А. История СССР с древнейших времён до конца XVIII в. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983 и История России: учебник / А.С. Орлов [и др.]. 2-е изд. М., 2016), показывает, что авторы используют в учебных построениях известные, наработанные схемы, опираясь на предшественников. Во всяком случае, новые концептуальные установки, сформированные в ходе исследовательской деятельности относительно восприятия Золотой Орды и русско-ордынских отношений, находят отражение в учебной литературе весьма ограниченно. Объяснением такому положению дел может быть не только и не столько информационная «напряжённость», но и сложность воплощения задач образования в цепочке «открытие» – «учебник» – «общество». Ибо изменение деталей исторической картины не всегда диктует необходимость переписывания концептуальных установок. Это ярко показано самим автором на примере термина «иго» в рамках его функционирования в Историко-культурном стандарте. Механизмы взаимодействий научного, образовательного и массового дискурсивных полей применительно к восприятию владычества Золотой Орды требуют дополнительной проработки.

Относительно анализа художественных фильмов как инструментов трансляции образов вполне закономерно отмечено (на с. 179), что «такие произведения зачастую не вводят в дискурсивное поле какие-либо новые образы или их характеристики, а пользуются стереотипами, уже сложившимися в общественном сознании». Однако сила киноискусства состоит в том, что

через узнаваемый образ событий и персонажей, которые задействованы в картине, авторы кинопроизведения формируют картину восприятия прошлого в силу мировоззренческих целей и задач, носителями которых они сами являются.

В этой связи стоит обратить внимание на докинематографическую историю картины, то есть изучить замысел, подготовку и этапы ее создания, а также проанализировать посткинематографический этап: исследовать реакцию общества на фильм. Относительно, к примеру, фильма «Орда» А.А. Прошкина (с. 178) стоит обратить внимание на то, что он позиционируется как фильм-притча. То есть, подразумевается широкое применение ино-сказаний (аллегорий), а фильм повествует историю с целью преподнести нравственный, философский или религиозный урок. В отличие от реалистичного кино, такие фильмы фокусируются на всеобщих смыслах, а не на бытовых деталях, часто используя символические образы. В связи с этим выявление образов ордынского владычества в фильме, используемых для фокусировки на всеобщих смыслах представляется весьма скрупулезным анализом. При этом данные смыслы имеют отношение не к Орде и русско-ордынским отношениям, а к морально-нравственным, философским и религиозным аспектам того общества (сообщества), в котором и для которого было создано произведение.

Именно поэтому вывод А.В. Смирнова о том, что режиссёр, съемочная группа и актеры являлись людьми, далекими от церковной жизни, и при создании фильма о подвиге митрополита Алексия и силе веры они руководствовались собственным видением, а не строгим следованием церковным канонам, нуждается в дальнейшем исследовании: что повлияло на позицию режиссера и как фильм-притча повлияли на общество – требует всестороннего

осмысления. Это относится и к иным кинопроизведениям, затрагивающим тему ордынского владычества.

Обращение автора к жанру фолк-истории (с. 182) обосновано наблюдением (на с. 184) о том, что высокие тиражи подобной литературы показывают, «что идея союза Руси и Востока в лице Золотой Орды или всей Монгольской империи против Европы находит отклик в массовом отечественном сознании». Этот вывод действительно требует всестороннего анализа, ибо идея так называемой «альтернативной истории» получила обширное распространение, особенно в связи с деятельностью Фоменко и Носовского – продвижение их красочных публикаций большими тиражами привело к формированию в общественном сознании особого мировосприятия. При оценке «фолк-истории» обойти вниманием «альтернативную историю» представляется несколько непродуктивным. Впрочем, данные жанры представляют собой отдельные направления сознания и требуют иных методик анализа.

Не удалось избежать автору и досадных опечаток. Так, на с. 61: «Таким образомв»; на с. 123 пропущена точка: «самостоятельноРежиссер показывает»; на с. 136 в 1980 г. объявлен **пятивековой** юбилей Куликовской битвы, тогда как на этот год выпадало 600-летие сражения.

Тем не менее, замечания не носят принципиального характера и не понижают общий высокий уровень результатов проделанной работы.

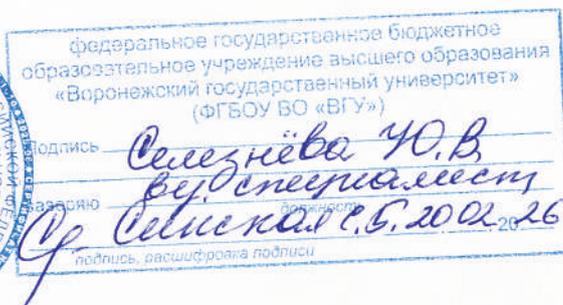
Таким образом, диссертация Алексея Викторовича Смирнова «Образы ордынского владычества в истории российского общественного сознания XVIII – начала XXI в.» является самостоятельной и завершённой научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи систематизации, структурирования и анализа этапов и форм осмысления ордынского владычества в российском историческом сознании, что соответствует пас-

порту специальности 5.6.1. – Отечественная история и требованиям п. 9–13 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор – А.В. Смирнов заслуживает присуждения искомой учёной степени по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

20.02.2026 г.

Доктор исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история), доцент, заведующий кафедрой истории России исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» _____ /Юрий Васильевич Селезнёв/

Почтовый адрес: 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1, исторический факультет Воронежского государственного университета, кафедра истории России
Тел.: 8(473)224-75-14,
E-mail: orda1359@mail.ru
Сайт: www.vsu.ru

С отзывом ознакомлен
02.03.2026
Смирнов А.В.